

РЕЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕПЛИК СОЧУВСТВИЯ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

E. Vasilyeva, V. Zaharova
Samara State University

UTTERANCES OF SYMPATHY IN THE LIGHT OF SPEAKERS' GENDER DISTINCTIONS

Gender distinctions influence communicative tactics used by speakers: while expressing sympathy women aim at getting into an emotional contact with the addressee, they provide psychological support and care, while men express their sympathy in a more active and creative way suggesting advice, command, prohibition; they may also use jokes and non-verbal means of communication.

Сочувствие является речевой реакцией сопереживания собеседнику, испытывающему отрицательные эмоции, источником которых являются личные неудачи или неприятности близких людей. Уместность сочувствия в данной ситуации обусловлена либо тесными, дружескими отношениями коммуникантов, либо в случае их дистантных отношений – нормами речевого этикета. В каждом языке существует набор стереотипных формул, рекомендуемых для выражения сочувствия – в английском это в первую очередь: “I’m (so) sorry! I’m sorry to hear that! Cheer up! You mustn’t worry about it. It could be (a lot) worse” и целый ряд других высказываний [1, с. 108].

Однако очевидна неуместность данных высказываний в общении родных, близких друзей, влюбленных, где формулы речевого этикета прозвучали бы недостаточно искренне, а порой и формально. Близкие люди, стремясь утешить, выбирают средства, которые демонстрируют искреннее сочувствие и сопереживание; выбор языковых средств в этом случае регулируется массой факторов (возраст, степень знакомства, социальный статус, образование, профессия и др.), среди

которых далеко не последнюю роль играют гендерные характеристики коммуникантов. Гендерные исследования речи особенно активизировались с выдвиганием антропоцентризма на роль ведущей научной парадигмы гуманитарных дисциплин, как следствие, в лингвистике в фокусе внимания оказался человеческий фактор.

Коммуникативное поведение мужчин и женщин отличается типичными стратегиями и тактиками, характерными для каждого из полов, выбором языковых средств, способами реализации коммуникативной цели. Е.Н. Горошко отмечает, что «гендерные отношения крайне важны для социальной организации, так как выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами. В лингвистическом аспекте женщины и мужчины переживают языковую социализацию по-разному. Различие состоит в усвоении типичных гендерных конвенций и стратегий коммуникации. Из-за различия культурно обусловленных интерпретационных конвенций нарушается понимание высказываний, что при вербальном общении мужчин и женщин провоцирует неадекватную реакцию и ведет к коммуникативным неудачам» [2, р. 48]. Таким образом, изучение различий речевого поведения мужчин и женщин важно для целей успешного общения, и тем более оно значимо, когда в общение вступают носители разных лингвокультурологических традиций.

Исследуемые нами высказывания сочувствия выступают в роли реактивной реплики диалогического единства (далее – ДЕ), стимулирующая реплика которого выражает огорчения разной степени интенсивности – раскаяние, стыд, самокритику, испуг, отчаяние, гнев и другие виды эмоциональных переживаний. Ответная реакция сочувствия в этих случаях является естественной и ожидаемой: адресант, выражая огорчение, делится своими переживаниями с адресатом и надеется получить его поддержку, сострадание и утешение.

Среди выявленных нами приемов утешения в женском дискурсе наиболее эффективным средством являются реплики, в которых сочувствие сочетается с готовностью проявить заботу, что не удивительно: социальная роль женщины как матери позволяет ей тактично снять напряжение, погасить конфликт. Как видно из следующего ДЕ, тактическими приемами увещевания здесь выступают побуждение, призыв успокоиться и обещание заботы, ср.:

Mulligan: Everything isn't all right now! I'll live no longer in the same house with Halibut!

Miss Mossie (coaxingly): Do go and sit down by the fire, Mr Mulligan, there's, a dear. I'll bring you a hot drink, and we'll talk about things; do now, like a good man (Bedtime Story, p. 109).

Для женских реплик сочувствия и призыва отвлечься от переживаний весьма характерно употребление глагола *do* в эмфатической функции, он добавляет реплике утешения настойчивости (*Do go*). Сравнительный оборот *do now, like a good man* придает побуждению доброжелательности, так же, как и обращение *a dear*. Ласковое обращение (*honey, my dear, sonny*) является отличительной особенностью женских реплик утешения и сочувствия, тогда как в мужской речи обращение носит нейтральный в эмоциональном плане характер, будучи выражено именами собственными или нарицательными, номинирующими семейные и социальные роли коммуникантов, ср.:

Mollie: I'm sad. Desolate, in fact. And old and withered and gray.

Paris: You only have nine gray hairs, Mother. Nine's not much (The Square Root of Wonderful, p. 136).

Особенностью женских реплик утешения также является включение в их состав повторяющихся междометий, призванных успокоить собеседника, снизить накал его чувств (*come, come; now, now; well, well*):

Big Mama: Cancer? Cancer?

(Dr Baugh nods gravely. Big Mama gives log gasping cry)

Maе: Now, now, now, Big Mama (Cat on a Hot Tin Roof, p. 92).

Для женских реплик сочувствия характерны также оценочные средства, выражающие интенсивность сопереживания:

1. *Joan*: They took me by the feet and dragged me out of town and stoned me to death.

Marlene: Joan, how horrible! (Top Girls,17)

2. *Big Mama*: Oh, I'll scream in a moment until this stops!

Margaret (sits above her): Precious Mommy! (Cat on a Hot Tin Roof, p. 120).

Эпитет *precious*, сопровождающий ласковое обращение *Mommy*, свидетельствует о теплоте чувств *Маргарет* и об искренности ее сопереживания.

Мужской англоязычный дискурс также характеризуется разнообразием приемов сочувствия, среди которых наивысшей силой воздействия обладают побудительные высказывания, представляющие совет, команду, приказ, запрет. Такие речевые акты акцентируют мужскую доминирующую позицию в диалоге. В следующем диалогическом единстве отец стремится удержать сына от поспешного решения взять на себя вину за гибель девушки. По своей прагматической функции реплика Бирлинга является советом, но, будучи представлена двумя повелительными предложениями, она звучит весьма категорично:

Eric: I don't see much nonsense about it when a girl goes and kills herself. You lot may be letting yourselves out nicely, but I can't. Nor can Mother. We did her in all right.

Birling (eagerly): Wait a minute. Don't be in such a hurry to put yourself into court (An Inspector Call, p. 184).

Авторская ремарка *eagerly*, указывающая на искренность собеседника, передает его страстное желание успокоить Эрика и помочь ему осознать поспешность горьких выводов.

Не меньшей действенной силой обладают и характерные для мужской речи предупреждения и угрозы, если собеседник пытается совершить саморазрушительные действия. Наряду с повелительными предложениями, в этих репликах используется модальный глагол волеизъявления *will* (*will not*), выражающий решимость адресата предотвратить опасное для собеседника действие:

Mulligan: God Almighty, I'm alone with lunatic! (Shouting as he tries to open the window) Help!

Halibut: I will not let you destroy yourself – come away from that window, or I will flatten you! (Bedtime Story, p. 108).

Для мужской речи характерны также речевые акты запрета, которые призваны оправдать собеседника (или собеседницу) от необоснованных, по мнению говорящего, обвинений в свой адрес:

Mollie: Because I loved you, Phillip died.

John: Don't say that!

Mollie: I loved you, and he died.

John: Don't even think that! (The Square Root of Wonderful, p. 136).

Воздействующую силу запрета здесь повышает его повтор, и вторая реплика звучит еще категоричнее за счет введения частицы *even*.

Использование средств побуждения для успокоения и сочувствия типично для случаев, когда оба коммуниканта – мужчины:

Mulligan (looking at Halibut curiously – a little impatiently): I've told you I can't sleep. Twenty-eight pound ten, and my fine leather wallet gone forever!

Halibut (in a commandingly sing-song way): Never mind. Put them out of your thoughts, and go to bed, go to bed, and go to sleep, and go to sleep – I command (Bedtime Story, p. 107).

Здесь цепь повелительных высказываний в ответной реплике действует на собеседника подобно «гипнозу», имея целью внушить слушающему резонность звучащих команд и полезность их выполнения.

Другой, более мягкой формой утешения, обычно рассчитанной на женщин, является прием отрицания неприятного факта или вины собеседницы (реже – собеседника). Такие реплики представляют собой попытку переубедить собеседника и заверить его в более благоприятном положении дел:

Kay: But the happy young Conways, who used to play charades here, they've gone, and gone forever!

Alan: No, they are real and existing, just as we two, here now, are real and existing (Time and the Conways, p. 107).

Характерное для мужской речи небольшое разнообразие лексики, дословный повтор и наличие близких синонимов *real* и *existing* в речи Алана выполняют функцию убеждения. Иногда для переубеждения собеседника в мужской речи используется дословный повтор предыдущей реплики, в которую вводится дополнительно только отрицание:

Mollie: Bent by the chill. I'm cold. I'm ragged and gray and cold.

Paris: You are not ragged, Mother, or that old, Mother (The Square Root of Wonderful, p. 136).

Дословный повтор определений (*ragged*, *old*), используемых Пэрисом в ответной реплике, еще раз иллюстрирует однообразие языковых средств, характерных для мужской речи. При утешении женщины в мужском дискурсе эффективным тактическим приемом выступает обещание помощи, готовность принять участие в разрешении проблемы:

Angie: I've no money; I don't want you to pay.

Kit: I will ask her to pay (Top Girls, p. 26).

Только в мужском дискурсе отмечены случаи, когда для снятия драматизма ситуации собеседник прибегает к шутке:

Mollie: I cried and cried and cried. I knew it would have killed my father if he had known. I cried and wept and bawled. At first, Phillip didn't want to marry me.

Joan: Not marry my fifteen-year-old peach queen? (The Square Root of Wonderful, p. 80).

Используемая Джоном метафора нацелена на смягчение ситуации, перевод ее на юмористический лад. Неполное предложение в виде переспроса создает здесь атмосферу доверительности и соучастия.

Сочувствие, утешение может быть выражено и невербально, о чем свидетельствуют авторские ремарки, подчеркивающие отношение адресата к собеседнику:

Mollie: John is leaving us soon. He has a job there. I will be desolate without him.

John: Will you, Mollie?

Mollie: Yes. Quite lost, in fact.

(John gently puts his arms around Mollie)

(The Square Root of Wonderful, p. 74).

Действие Джона, описанное в ремарке, уточняется манерой его выполнения – *gently*; сама же ремарка указывает на близкие и теплые отношения между собеседниками.

Итак, проведенный анализ гендерных характеристик речевых актов сочувствия показал, что женская речь более ориентирована в этом случае на психологическую поддержку собеседника, установление с ним эмоционального контакта и взаимопонимания. Этому способствуют ласковые обращения и оценочная лексика, сравнения, междометия и интенсификаторы. Мужские речевые акты сочувствия более ориентированы на активную, действенную помощь, что ведет к регулярному использованию директивных речевых актов – таких, как команда, совет, запрет. Лаконичные и прямолинейные побудительные высказывания наиболее характерны в общении мужчин, тогда как при обращении к женщине сочувствие может принять форму опровержения вины собеседницы, шутки или невербального действия поддержки. При этом для мужской речи нехарактерны клишированные реплики сочувствия и утешения.

Библиографический список

1. Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. 627 с.
2. Freitas J.F. de Survival English. Moscow: Visšaya Škola, 1990. 141 p.

Источники фактического материала и принятые сокращения

1. Churchill, C. Top Girls. London: The Open University Methuen Drama, 2005. 99 p. (Top Girls).
2. Mc Cullers, C. The square Root of Wonderful // Modern American Plays. Leningrad: Prosveshchenije, 1981. P. 140-171. (The Square Root of Wonderful).
3. O'Casey S. Bedtime Story // Plays of the Modern Theatre. Leningrad, Prosveshchenije, 1970. P. 93-111. (Bedtime Story).
4. Priestley J.B. An Inspector Call. // Priestley J.B. Dangerous Corner and Other Plays. Moscow: Visšaya Škola, 1989. P.127-188. (An Inspector Call).
5. Priestley J.B. Time and the Conways. // Priestley J.B. Dangerous Corner and Other Plays. Moscow: Visšaya Škola, 1989. P. 64-127 (Time and the Conways).
6. Williams, T. Cat on a Hot Tin Roof // Cat on a Hot Tin Roof and Other Plays. London: Penguin Books, 2001. P. 17-3. (Cat on a Hot Tin Roof).